

Тяжелая витушка — эпизод 4 из 5

Смывку песку делать не стали. Домой скорее.

И вот диво, — бежим, всю дорогу оглядываемся, будто мы что украли. Прибежали домой. Запратал я витушечку, наказываю Марине:

— Гляди, не сболтни кому!

Она обратно меня уговаривает:

— В кабак не зайди ненароком, пока золото не сдал.

В контору такую штуку нести и думать нечего. Еще отберут! А уж место захватят — про то и говорить не осталось. Вечерком и пошел я к своему-то купцу. Будто мяска для праздника купить. Улучил минутку, говорю — дело есть.

— Обожди, — говорит, — маленько. Скоро амбар прикрою.

Вот ладно. Отошел покупатель, запер купец двери и говорит:

— Ну, давай.

Это и раньше бывало, — в амбаре-то сдавать. У него, вишь, весов-то настоящих не было, а кислоту да царску водку на полке открыто держал, будто для торговли. Просто тогда с этим было, кому доходя продавали. Я и говорю:

— Запри-ко ты и в ограду двери.

— Зря, — отвечает, — беспокоишься. Из своих никто не зайдет, — не велено, а чужих не пустят.

А я свое:

— Запри все ж таки.

Он тогда и забеспокоился:

— Уж не узнал ли кто, зачем ты ко мне ходишь? Может, сказал кому?

— Про это, — говорю, — не думай. Никому и в мысли не падет, зачем к тебе хожу. Только много у меня.

— Это, — отвечает, — не беда, что много. Лишь бы не мало. Сколь хочешь приму. — Двери, однако, запер в ограду-то. — Ну, — говорит, — кажи!

Взял я тут для случая топор с мясной колодки, подал ему свою витушку в тряпице:

— Ну-ка, прикинь сперва это.

Он — купец: по руке-то сразу почуял, — тяжело.

Спрашивает:

— Что это у тебя?

— Прикинь, — говорю.

Бросил он на ходовые весы. Вывешал, как следует, говорит:

— Восемнадцать с малым походом.

— Вот и бери.

— Что брать-то? Где оно у тебя?

— А в тряпице-то...

— Восемнадцать фунтов?

— Сам вешал. Коли силы не хватит, в контору снесу.

Это про контору-то я так, для хитрости, помянул. С чего бы я туда потащил? Развернул мой купец тряпицу, давай витушку кислотой да царской водкой пробовать. Ну, золото и золото. Тут, — гляжу, — в пот купца бросило. Так с носу и закапало, а молчит, только на меня уставился. Потом и говорит:

— Поди, сверху только золото-то?

Вишь, какое понятие у него! В самородке, думал, середка чугунная. Ну, не дурак ли? Я ему растолковываю, что вот опупышки-то и есть самородная печать, а он, видать, не верит. Отговорку нашел:

— Эко-то место мне не откупить. Денег не хватит. Разрубить придется. Не в контору же тебе сдавать.

Уговаривает, значит, меня. Я и сам вижу — без этого не обойдется, а жалко рубить-то. Ну, все ж таки взял витушку да тут же на мясной колодке и обрубил крайчики. Купец опять давай пробовать. Тут уж, видно, настояще уверился, побежал в дом за деньгами. Прибежал со шкатулкой, а самого так и трясет. Бойтся, видно, и жадность одолела. Тоже ему кусок. Не знаю, почем они сдавали, а мне этот купец на рубль дороже против конторского платил.

Вывешал купец на ходовых весах середину особо, крайчики особо. Выгреб из шкатулки, из-за пазухи выворотил пачки бумажек покрупнее. Ну, выручку в это же место... На крайчики денег довольно, а ему серединку купить охота. Она потяжелее вышла.

— Поверь, — говорит, — в долг. Через день, много через два, отдам.

Ну, объясняю, конечно, что в таких делах долгов не бывает. Тогда он и говорит:

— Пойдем ко мне, посиди маленько. В кабак за выручкой сбегаю, — и подвигает ко мне деньги-то. Сосчитал я. Вижу, — ладно будто, пустяка не хватает. Подождать можно. Как у купца видел, тоже крупные-то деньги за пазуху забил, а помельче в карман, крайчики в сапог спрятал. Пошли мы с купцом в дом, а там, — гляжу, — угощение выставлено. Хозяйка, такую беду, суетится, хлопочет.

Убежал купец в кабак, а она ко мне и подъезжает:

— Выкушай, гостенек! Не почванься на моей хлеб-соли. Не изготовилась, как следует. Не ждала гостя.

А чего не изготовилась — полон стол наставлено. Ну, я креплюсь, конечно, — не пью вина. Так ей и сказал:

— При деньгах. Нельзя мне.

Она это вьется всяко да наговаривает:

— Красненького хоть, нето, выпей, — и подает мне в руку стаканчик. Так небольшой стаканчик, с половину чайного. — Я, — говорит, — и сама этого-то выпью, — и наливает себе такой же стаканчик.

«Что, — думаю, — мне с одного сделается? Неуж перед женщиной неустойку покажу?» Взял да и хлебнул.